

*Я хочу рассказать о людях, которые
создали Израиль. Мне повезло. Я ещё
успела познакомиться с ними.
Многих из них уже нет. Но память
жива...*

Третья доченька

Я приехала в Израиль в июне 1991 года. Прибывшие на два месяца раньше земляки присмотрели для нашей семьи квартиру в Хайфе, в районе Неве-Шаанан. Уезжали мы из Белоруссии скоропалительно, без багажа. Нам дали всего десять дней на сборы. Но сейчас не об этом речь.

В страну я приехала практически без иврита. Пока собирались, успела вызубрить по самоучителю первые шесть уроков. Нелегко было налаживать быт на новом месте, когда все вокруг незнакомо и нет никакой возможности объясниться с местными жителями. С детства я немного понимала идиш, однако никогда не приходилось говорить на этом языке. И вот теперь при необходимости вступить с кем-нибудь в контакт я выдергивала из своего бедного словарного запаса слова на идиш, сопровождала их мимикой, жестами, вставляла слова на русском. И, о чудо! Меня понимали.

Где-то через неделю к нам пришла знакомиться пожилая женщина. Она была не одна – с внуком. На вид ей было лет семьдесят, а внуку – семнадцать, как и моему сыну. Женщина, её звали Этл, привезла нам полную тележку продуктов из супермаркета. Мы ничего не хотели брать, объясняли, что получили деньги от Сохнута, что у нас всё есть. Этл в ответ улыбалась: «Не стесняйтесь, берите всё и ешьте себе на здоровье. Мы вас так ждали!»

Моя мама, глядя на Этл, прослезилась и сказала мне: «Знаешь, она похожа на твою бабушку». А Этл сказала, что моя мама похожа на её маму. Они обнялись, как давние знакомые после продолжительной разлуки.

Позже мы узнали, что у Этл во время войны убили в гетто всех родственников, а её саму врач-нацист оставил в качестве кролика для медицинских экспериментов. После очередной болезненной процедуры ей запретили пить. Она медленно умирала от жажды. И тогда, рискуя жизнью, пришел влюблённый в неё юноша – Менахем. Он принес во рту воду и, целуя, вернул её к жизни. Когда американские солдаты их освободили, ослабленная после всего пережитого Этл не могла

ходить. Менахем вынес её на руках. После войны они уехали в Палестину и прожили вместе пятьдесят лет. Из гетто они вышли больными людьми. На фоне безработицы тех первых лет в Израиле, кроме тяжелого физического труда, у них не было никакой другой возможности зарабатывать на хлеб насущный. И Менахем не чурался никакой работы. Подрастали две дочки и сын. Менахем не мог допустить, чтобы эти дети чувствовали себя в чём-то ущемлёнными по сравнению со своими сверстниками. Было тяжело, но Менахем и Этл любили друг друга. Это помогало переносить тяготы.

Помню, я как-то шла с работы и встретила Этл возле её дома. Мы обе обрадовались. Маленькая Этл, она еле доставала мне до плеча, поцеловала мою руку чуть выше локтя. Я смутилась. Менахем, наблюдавший за нами с балкона, попросил: «Этл, поцелуй её ещё раз – за меня».

Этл долго болела. Когда врачи сообщили Менахему, что жить ей осталось не более суток, он стал молиться: «Шма, Исраэль!...». После молитвы он подошёл к ней, поцеловал и тихо сказал: «Этл, не бойся, я тебя одну не отпущу». Но этих слов Этл уже не слышала. А Менахем пришел из больницы домой, прилёг на диван и умер. Их хоронили в один день. Так и лежат они на кладбище рядышком. Смерть не разлучила их.

С тех пор прошло десять лет. Когда прохожу мимо их дома, где теперь живут другие люди, мне всё кажется, что Менахем наблюдает за мной с балкона. И я жду, что сейчас из подъезда выйдет Этл и, как прежде бывало, нежно скажет мне на идиш: «Ду бист майне дрите тохтер – Ты моя третья доченька!»